

ринациональные национализации и иные экспроприации частной собственности, или норм, предусматривающих компенсацию потерь собственников.

Для отмены национализации частной собственности, произведенной в советской России, без таковой отмены нельзя говорить всерьез о действительной десоветизации, необходимы реституционные, денационализационные акты государственной власти современной России.

¹ О'Коннелл. Правопреемство государств.— М., 1957.— С. 34.

² См. Арчага Э.Х. де. Современное международное право.— М., 1983.— С. 265.

³ Оппенгейм. Международное право.— Т. 1, плт 1.— М., 1994.— С. 136.

⁴ См., к примеру, Броунли Я. Международное право.— Кн. первая.— М., 1977.— С. 148.

⁵ См. Вельяминов Г.М. Правовой статус субъектов Российской Федерации и проблемы признания // МЖМП.— 1995.— № 10—11.

⁶ См. Барсегов Ю.Г. Предисловие // О'Коннелл.— Указ. соч.— С. 31.

⁷ Внешняя политика СССР. Сборник документов.— Т. II.— М., 1944.— С. 306.

⁸ Не внесла должной ясности в эту проблему и Венская конвенция о правопреемстве государств в отношении государственной собственности, государственных архивов и государственных долгов от 8 апреля 1983 г.

⁹ Лист Ф. Международное право.— Юрьев (Дерпт), 1917.— С. 282—283; Gacworth. Digest of International Law.— 1940.— Vol. 1.— P. 539.

¹⁰ См. Правовое регулирование иностранных инвестиций в России.— М., 1995.— С. 162, 166.

¹¹ Действующее международное право.— Т. II.— М., 1997.— С. 125.

Статья поступила в редакцию в марте 1998 г.

АКТУАЛЬНЫЕ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Ю.В. Трунцевский, И.В. Упоров*

В настоящее время в международном праве, к сожалению, еще остались неразработанными и нерешенными многие вопросы, в том числе и проблемы, связанные с уголовно-правовой сферой. Остановимся на некоторых из них.

* Кандидаты юридических наук из Рязанского института права и экономики МВД Российской Федерации.

В первую очередь это относится к определению международного преступления, кодификации международных преступлений и преступлений международного характера и видов ответственности (наказания) за их совершение. Так, Н.А. Ушаков подчеркивает, что эта проблема “чрезвычайно сложна и многогранна. Ее рассмотрение неизбежно связано... с выявлением самой сущности международного права на различных этапах его развития”¹. Как известно, Комиссия международного права ООН в течение нескольких десятилетий (с 1947 г.) пытается найти приемлемую дефиницию, однако окончательно сделать это пока не удалось. Сегодня имеется лишь проект статей Комиссии, где приводятся нормы, которые с известной долей условности можно считать контурами пока еще гипотетического международного уголовного кодекса. В документах Комиссии, в частности, указывается, что “данный проект статей касается общих норм международной ответственности государств за международно-противоправные деяния, то есть которые регулируют всю совокупность новых правоотношений, могущих возникнуть в результате международно-правового деяния государства”².

В научной литературе указывается, что ни в международно-правовых актах, ни в трудах юристов-международников до проекта Комиссии международного права не существовало сколько-нибудь удовлетворительного понятия международного преступления³, поэтому разработки Комиссии можно расценивать как результат научного поиска ученых разных стран, в числе которых Г.И. Тункин, И.И. Карпец, П.М. Курис, Л.А. Моджорян, Ю.В. Петровский, В. Гефрат, П. Штайнигер, Р. Аго, В.А. Василенко и др. Комиссия предложила следующее определение международного преступления: “международно-правовое деяние, возникающее в результате нарушения государством международного обязательства, столь основополагающего для обеспечения жизненно важных интересов международного сообщества, что его нарушение рассматривается как преступление международным сообществом в целом” (ст. 19 Проекта статей).

В связи с этим определением выделим два положения.

Во-первых, как нам представляется, оно позволяет говорить о международном уголовном праве как самостоятельной отрасли (подотрасли) права, поскольку понятие преступления как наиболее тяжкого правонарушения является категорией именно уголовного права. Между тем в науке этот вопрос весьма спорный. В свое время необходимость выделения этой отрасли обосновывали русский криминалист Н.М. Коркунов⁴, а в советский период — М.Д. Шаргородский, который считал международное уголовное право частью международного публичного права⁵. И.И. Карпец полагал необходимым “признать международное уголовное право самостоятельной от-

раслью права, которая должна развиваться и совершенствоваться в условиях мирного сосуществования государств с различным социально-политическим устройством в целях защиты интересов всех народов от международных преступлений и преступлений международного характера”⁶. Однако, по мнению Н.А. Ушакова, “концепция уголовной ответственности государств и международного права как международного уголовного права” является ошибочной⁷. Неприемлемость теории уголовной ответственности государств высказывали А.Н. Трайнин и некоторые другие ученые.

Поддерживая позицию И.И. Карпеца, мы можем отметить еще и то обстоятельство, что практика международных отношений имеет прецеденты именно наказания государств-нарушителей за совершенное ими международно-противоправное деяние (например, решение и реализация Приговора Международного военного трибунала в отношении Германии, решение Совета Безопасности ООН в отношении Ирака), в котором принцип международного уголовного права состоит в том, что отсутствует международное уголовное законодательство. Однако, как справедливо отмечает И.И. Карпец, его и не может быть в том объеме, в котором сформулированы национальные уголовные кодексы, поскольку слишком велики различия как в общественно-экономическом устройстве государств, так и в их правовых системах⁸. Мы можем добавить, что речь идет далеко не о всяких деяниях, признаваемых преступлениями во внутригосударственном праве, а о той их группе, которые признаются таковыми международным сообществом. По поводу агрессии, апартеида, терроризма и других деяний приняты соответствующие международные соглашения, где государства-участники приняли обязательства выявлять и наказывать виновных. Более того, в ряде конвенций указываются и конкретные виды наказаний. Таким образом, мы имеем основания полагать, что в совокупности эти и другие международно-правовые акты представляют собой элементы международного уголовного права.

Кроме того, мы считаем, что при рассмотрении этих вопросов необходимо учитывать тенденции в развитии международных отношений, одной из которых является стремление к кодификации международного права. Так, в соответствии с п. 1 а ст. 13 Устава ООН Генеральная Ассамблея ООН должна организовывать исследования и давать рекомендации в целях поощрения прогрессивного развития международного права и его кодификации⁹. Работа Комиссии международного права является не чем иным, как кодификационным процессом. Так, в 1953 году Генеральная Ассамблея ООН приняла резолюцию, в которой прямо предложила указанной Комиссии “приступить, как только она сочтет это целесообразным, к кодификации принципов международного права, которым определяется ответственность государств”, поскольку это необходимо для “под-

держания и развития мирных отношений между государствами”¹⁰. В 1954 году Комиссией был разработан проект Кодекса преступлений против мира и безопасности человечества, на котором сказалось влияние принципов Устава и Приговора Международного военного трибунала; этим проектом устанавливалась наказуемость физических лиц за деяния, предусмотренные в кодексе (а вообще первые попытки составления международного уголовного кодекса предпринимались еще в 1832 г.), и речь тогда шла о торговле наркотиками, рабами, порнографической литературой и т.д.¹¹ Указанный проект в более совершенном виде был принят Комиссией международного права в первом чтении в 1991 году, однако, как замечает А.В. Наумов, “судя по обсуждению этого проекта и работе Комиссии по его доработке, принятие данного кодекса – дело неблизкого будущего”¹². Очевидно, что в перспективе международное сообщество, накопив соответствующий опыт, сумеет все же определить общепризнанный перечень преступлений, посягающих на международные отношения. Многие ученые, работающие в сфере международного права, также высказывались за необходимость кодификации, в частности Л.А. Моджорян писала о том, что следует четко определить составы международных преступлений, а также пределы и содержание ответственности за их совершение¹³.

Во-вторых, определение международного преступления, данное в проекте статей Комиссии международного права, охватывает лишь международные преступления, в него не попадают преступления международного характера (данная классификация признана большинством ученых-правоведов, занимающихся международной преступностью), что представляется нам существенным недостатком, поскольку уменьшает правовые возможности воздействия мирового сообщества на противоправные деяния международного характера. Мы полагаем, что определение Комиссии нужно дополнить следующей формулировкой: “...а также противоправное деяние, наносящее существенный ущерб международным отношениям, признанное преступлением в международных соглашениях и национальными законодательствами”. В этом случае оба вида деяний целесообразно объединить одним названием – “преступления, посягающие на международный правопорядок”, поскольку термин “международные преступления” имеет достаточно узкое толкование, основывающееся на том, что международное преступление направлено против жизненно важных интересов всего международного сообщества и угрожает “самому существованию государств и наций, а также миру, безопасности и дружественным отношениям между народами”¹⁴.

Дискуссионным является вопрос о целях наказания за преступления, посягающие на международный правопорядок. В международных соглашениях, касающихся вопросов ответственности госу-

дарств, на этом акцент не делается. Однако, как нам представляется, логика развития международного уголовного права предполагает разработку и этих аспектов. В отношении преступлений международного характера И.И. Карпец писал, что конечной целью наказания за их совершение являются исправление преступников, а также общее и специальное предупреждение¹⁵. Эти положения, опубликованные ученым почти 20 лет назад, зафиксированы в ст. 43 Уголовного кодекса РФ. В указанной норме в числе целей наказания говорится также и о восстановлении социальной справедливости. Думается, что именно это имел в виду И.И. Карпец, указывая, что "при совершении преступлений международного характера и наказании за них особое значение приобретает общественное мнение, которое осуждает и преступление, и лиц, их совершивших, особенно тех, кто наживается на преступности, наносит ущерб международному сотрудничеству, делу мира, основам мирного сосуществования государств и народов"¹⁶.

Что касается международных преступлений, то и здесь есть необходимость в определении целей наказания. Когда речь идет о физических лицах, то, очевидно, они те же, что и отмеченные выше; кроме того, здесь, на наш взгляд, целесообразно выделить еще и цель возмездия (как, например, в отношении нацистских преступников). Если же объектом наказания является государство или организация, то к целям наказания, по нашему мнению, следует отнести общее (для других государств) и специальное (для государства-нарушителя) предупреждение, а также восстановление справедливости (для международного общественного мнения).

Неоднозначно решается в юридической литературе проблема субъективности преступлений, посягающих на международный правопорядок. В отношении преступлений международного характера общепризнанно, что их субъектами могут быть только физические лица, что вытекает из конвенционных соглашений, а также из российского уголовного законодательства. Однако здесь нужно сделать существенную оговорку: речь идет о положении дел лишь на сегодняшний день. Ведь международные отношения не находятся в статике, это касается и некоторых уголовно-правовых институтов международного права. Поэтому не исключено, что в будущем в уголовно-правовой теории и практике международных отношений в качестве субъектов таких преступлений появятся и государства.

Значительно сложнее дело обстоит с субъектом международных преступлений. Мы уже отмечали, что на Нюрнбергском и Токийском процессах фигурировали два типа субъектов: государство (включая государственные организации) и физические лица. Казалось бы, только они были и являются субъектами международных преступлений. Однако научная дискуссия не прекращается.

Так, Г.И. Тункин, Д.Б. Левин, В.А. Василенко, Е.Т. Усенко, М.Х. Фарухшин и другие ученые допускают возможность двухсубъектности. Правда, при этом некоторые из них делают оговорки. Например, Д.Б. Левин пишет, что “международно-правовая ответственность физических лиц, совершивших преступление против человечества, есть особого рода уголовная ответственность, вытекающая из норм международного права (хотя в ряде случаев одновременно предусматривается и нормами национального права), и она по своей юридической природе принципиально отличается от ответственности, которую могут нести субъекты международного права (государства и его органы, международные организации. — *Авт.*)”¹⁷. В.А. Мазов подчеркивает, что “международное право не допускает юридического освобождения от уголовной ответственности индивидов, виновных в совершении от имени государства преступлений против международного права”¹⁸. Далее он отмечает, что официальные физические лица могут нарушить нормы международного права посредством государства, от имени и с помощью которого они действовали, используя свое официальное положение, и их может судить специально образованный суд (приводится пример с Нюрнбергским процессом)¹⁹.

Ю.М. Колосов, напротив, пишет, что “так называемая международная уголовная ответственность физических лиц представляет собой исключение, и в конечном счете уголовная ответственность физических лиц за преступления международного характера (здесь по нашей классификации имеются в виду международные преступления. — *Авт.*) является одним из проявлений политической ответственности государства, которое утрачивает юрисдикцию в отношении собственных граждан. На практике это имело место в отношении германских и японских военных преступников”²⁰. Схожая позиция у Н.А. Ушакова, который, отмечая ошибочность положений, допускающих возможность субъектности в международных преступлениях физических лиц, указывает: “Никакой особой международной (международно-правовой) ответственности индивидов не существует и существовать, очевидно, не может. Индивиды несли, несут и будут, очевидно, нести... уголовную ответственность за совершенные ими уголовные преступления (то есть только по национальному уголовному законодательству. — *Авт.*). Нет также никакой “особого рода уголовной ответственности” за, например, уголовные преступления против человечности. Ее не установили, ибо вполне достаточно существующих форм уголовной ответственности по национальным системам уголовного права”²¹. Что касается осуждения нацистских преступников, то Н.А. Ушаков утверждает, что “это исключение, которое лишь подтверждает, а не изменяет общее правило”²². Далее в своей работе он прямо утверждает, что “индиви-

ды не являются субъектами международного права, поэтому не несут и не могут нести международную ответственность”²³. Приведенных точек зрения вполне достаточно, чтобы показать разброс мнений по рассматриваемому вопросу. Не имея целью углублять дискуссию, все же заметим, что исключение физических лиц из субъектности международных преступлений, на наш взгляд, значительно суживает возможности мирового сообщества в достижении целей наказания, и прежде всего восстановления справедливости. Кроме того, в ряде случаев от имени государства выступает орган высшей власти в лице одного человека, например президента страны. Если, допустим, будет выявлено, что международное преступление совершено под его прямым и непосредственным руководством, то привлечение этого государства мировым сообществом к международно-правовой ответственности отдельно от его главы представляется алогичным.

Здесь возможно возражение, что в этом случае президента можно осудить по соответствующим нормам уголовного законодательства этого же государства. Однако, судя по имеющимся прецедентам (процессы в Германии и Японии после второй мировой войны), осудить высших должностных лиц, совершивших международное преступление, в той же стране, которой они руководили, весьма затруднительно; невозможно, например, представить, что в тот период в Германии мог состояться суд над нацистской верхушкой; история показала, что для трансформации германского общества в миролюбивое, чуждое агрессивным планам государство, включая формирование новых органов власти и законодательства, потребовалось достаточно длительное время. Наконец, укажем на то, что из самого факта признания преступления в качестве международного мировым сообществом логически вытекает основание и право этого сообщества, важнейшим интересам которого нанесен существенный ущерб, наказывать главных виновников преступления по тем законам, которые мировое сообщество выработает и закрепит в международном праве²⁴.

О наличии в международном праве актуальных и недостаточно разработанных проблем уголовно-правового характера свидетельствует, например, и то обстоятельство, что даже спустя десятилетия после Нюрнбергского процесса, принципы которого были одобрены ООН и положены в основу многих международно-правовых документов, появляются сомнения в юридической обоснованности принятых решений. Так, в 70-е годы, а затем в связи с 40-летием Нюрнбергского процесса в ФРГ, Англии и других странах вышли работы под характерными названиями: “Нюрнберг: приговор истории. Спустя сорок лет после начала суда над нацистскими военными преступниками остается вопрос – совершилось ли правосудие?”²⁵, “Революция или колоссальный театр?”²⁶, “Нюрнберг: Трибунал по-

бедителей”²⁷ и др., в которых утверждалось, в частности, что Нюрнбергский процесс был “актом мести” победивших в войне сторон. Понятно, что эти публикации преследовали прежде всего политические цели, за ними явно проглядываются реваншистские круги. Однако нельзя не признать, что Нюрнбергский процесс поставил немало чисто правовых вопросов международного уголовного права, в числе которых: возможность привлечения к уголовной ответственности физических лиц за агрессию, совершенную государством (как мы отмечали выше, общепризнанного решения нет до сих пор); проблема состава международного преступления; проблема соучастия; возможность наказания за преступление, которое не предусматривалось национальными законодательствами; целесообразность включения в состав Международного военного трибунала представителей не только государств-победителей, но и, в целях объективного рассмотрения, нейтральных государств и др.²⁸ Подробно эти и другие правовые аспекты Нюрнберга рассмотрены в работах А.Н. Трайнина²⁹, А.А. Пионтковского³⁰, М.Д. Шаргородского³¹ и других ученых нашей страны, которые убедительно доказали, что в случае совершения тягчайших преступлений против мира, человечества и человечности виновные должны быть безусловно привлечены к суровой ответственности, и во многом способствовали поиску ответов на правовые коллизии.

Как отмечалось выше, в международном уголовном праве сложным остается вопрос о форме и мере ответственности государства-нарушителя за совершенное международное преступление. Ведь при наложении, например, экономических санкций неблагоприятные последствия испытывают многие граждане этого государства, в том числе и те, кто не разделяет государственной политики, приведшей к международному преступлению. Немало споров вызвали, в частности, пример из новейшей истории, связанный с обузданием агрессии Ирака против Кувейта в 1991 году путем нанесения вооруженных ударов по решению Совета Безопасности ООН, в том числе по объектам, расположенным на территории Ирака (операция “Буря в пустыне”), а также применение против Ирака экономических санкций.

Отдельную и чрезвычайно сложную проблему составляют процессуальные аспекты при фиксации международных преступлений, сборе доказательств, определении порядка рассмотрения дела и др. Международный Суд ООН, как известно, основан на принципе добровольной (факультативной) юрисдикции, согласно которому ни одно государство не может принудить другое государство передать спор между ними в Международный Суд ООН, этого не вправе сделать даже Совет Безопасности ООН³². Но даже если государства признают юрисдикцию Международного Суда, могут возникнуть

проблемы с исполнением его решений. Так, в 1986 году Международный Суд решил дело в пользу Никарагуа, которая обратилась с просьбой установить, что военные действия США против нее (маневры военно-морских сил США у берегов Никарагуа, минирование портов, полеты военных самолетов над территорией этого государства), а также финансовая и материальная помощь “контрас”, выступавших против законного правительства, противоречат международному праву и должны быть прекращены³³. Однако США отказались исполнить решение Суда и, более того, отказались от своего ранее принятого решения о признании юрисдикции Международного Суда³⁴.

Теоретически исполнение решения Международного Суда ООН может быть осуществлено принудительно, что вытекает из ст. 94 Устава ООН, где говорится, что “в случае, если какая-либо сторона в деле не выполнила обязательства, возложенные на нее решением Суда, другая сторона может обратиться в Совет Безопасности, который может, если признает это необходимым, сделать рекомендации или решить о принятии мер для приведения решения в исполнение”³⁵. Никарагуа предприняла соответствующую попытку, однако резолюция, предложенная Совету Безопасности, была отклонена из-за вето США; и вообще пока не было ни одного решения Совета Безопасности на основании ст. 94 Устава ООН. В связи с этим М.М. Беджауи, говоря о целесообразности обращения в подобных случаях к общим санкциям, предусмотренным международным правом, отмечает, что “государство, не исполняющее решение Суда, нарушает международные обязательства, и государство, в чью пользу вынесено решение, может прибегнуть к таким мерам, как реторсии и репрессалии”³⁶.

Однако указанные меры ответственности могут не соответствовать ущербу, нанесенному международным преступлением, и тогда перспектива использовать Международный Суд с его нынешним статусом (равно как Европейский суд по правам человека, Суд Европейского Союза) — аналогично Международному военному трибуналу в Нюрнберге и Токио, где требовалось согласие государства — предполагаемого нарушителя, — в ближайшие годы представляется нереальной.

По мнению Н.А. Ушакова, бесперспективной является также вообще возможность учреждения международного уголовного суда³⁷. Американские юристы М. Бассиони и К. Блейкли в связи с этим писали, что “по очевидным политическим причинам ныне неподходящее время в истории, чтобы поднимать вопрос о международной уголовной ответственности государств и подчинении государств юрисдикции Международного уголовного суда. Это время еще не пришло, но оно придет по мере того, как мир становится все более взаимосвязанным”³⁸.

Тем не менее, как известно, Комиссия международного права ООН в 1994 году разработала проект Статута Международного уголовного суда. В процессе работы над этим документом обсуждались два варианта способа учреждения суда: 1) посредством решения Совета Безопасности или резолюции Генеральной Ассамблеи ООН; 2) путем заключения специального международного договора. В результате острых дискуссий Комиссия склонилась ко второму варианту³⁹. О практических трудностях решения данной проблемы свидетельствует и судьба Международного военного трибунала, созданного по решению ООН в Гааге в 1993 году для расследования дел, связанных с преступлениями против человечества, совершенными на территории бывшей Югославии с января 1991 года. Предполагается, что Трибунал будет руководствоваться и принципами Нюрнберга. Учрежден статут этого Трибунала, избран его состав. Суд начал функционировать, однако механизм его действия еще не отлажен и имеются серьезные сомнения в его эффективности⁴⁰.

Некоторые авторы увязывают необходимость учреждения Международного уголовного суда в связи с разработкой мер борьбы с транснациональной организованной преступностью. Нам представляется, что в настоящее время создание Международного уголовного суда необходимо для рассмотрения тягчайших международных преступлений, и прежде всего агрессии и геноцида, совершаемых государствами. Очевидно также, что должна быть установлена более четкая организационно-правовая связь Международного уголовного суда и Совета Безопасности ООН, поскольку окончательное решение по реализации ответственности государства-нарушителя, связанное с использованием международных вооруженных сил против этого государства, должен выносить все же Совет Безопасности (по рекомендации Международного уголовного суда).

Очевидно, решение процессуальных вопросов в случае совершения международных преступлений должно базироваться на полномочиях Совета Безопасности ООН, где, вероятно, целесообразно выделить структуру, которая занималась бы обсуждением и выработкой предложений по процедуре рассмотрения таких дел. Это возможно сделать, очевидно, и в рамках Международного Суда ООН, изменив его Статут.

В международном праве нет ясности и в том, какие международные органы должны заниматься уголовно-исполнительными аспектами в случае принятия решения, например, о наказании государства, совершившего международное преступление. То же касается и физических лиц, осужденных за эти преступления, в частности требует разработки вопрос о месте отбывания ими наказания в виде лишения свободы (что касается условий их содержания в местах заключения, то здесь положение более определено, поскольку име-

ются принятые ООН Минимальные стандартные правила обращения с заключенными).

Учитывая вышеизложенное, в частности многоаспектность такого явления межгосударственных отношений, как международные преступления, выраженную в привлечении решения подобных вопросов и международно-правовых (соглашений, содержащих и материальные, и процессуальные нормы; институционные возможности) и внутригосударственных средств, можно сделать следующий вывод: совокупность принципов и норм, регулирующих отношения между государствами по предотвращению и пресечению преступлений, посягающих на международный правопорядок, при взаимодействии международно-правового и внутригосударственного механизмов, можно назвать комплексной отраслью международного права, включающей в себя нормы уголовно-правового, уголовно-процессуального и уголовно-исполнительного характера – международное право по уголовным делам. Такая постановка вопроса, на наш взгляд, позволит заинтересованным государствам, да и всему мировому сообществу в целом более конструктивно и скоординированно решать проблемы борьбы с международными преступлениями: принять соответствующие комплексные правовые соглашения, максимально эффективно привлекать все необходимые международные и национальные силы и средства для привлечения к уголовной (международно-правовой) ответственности лиц, совершивших эти опасные для международного сообщества преступления.

Нами обозначены лишь некоторые проблемы международного права, связанные с совершением транснациональных преступлений. Как видно, по многим из них до сих пор нет окончательных решений. Практика международных отношений показывает, что компромиссы в международном праве по уголовно-правовым аспектам достигаются чрезвычайно трудно и долго. И это лишний раз показывает актуальность рассмотренных проблем и необходимость их дальнейшего исследования.

¹ См. *Ушаков Н.А.* Основания международной ответственности.— М., 1983.— С. 132.

² См. Доклад Комиссии международного права о работе ее двадцать пятой сессии 7 мая – 13 июля 1973 г.— Гл. 2.

³ См. *Ушаков Н.А.* Указ. соч.— С. 140.

⁴ См. *Коркунов Н.М.* Опыт конструкции международного уголовного права // Журнал уголовного и гражданского права.— 1889.— № 1.

⁵ См. *Шаргородский М.Д.* Некоторые вопросы международного уголовного права // Советское государство и право.— 1947.— № 3.

⁶ *Карпец И.И.* Преступления международного характера.— М., 1979.— С. 27.

- ⁷ См. *Ушаков Н.А.* Указ. соч.— С. 18.
- ⁸ См. *Карпец И.И.* Указ. соч.— С. 24.
- ⁹ См. *Словарь международного права.*— М., 1982.— С. 62.
- ¹⁰ Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи ООН. Восьмая сессия. Доп. № 17 (A/2630).
- ¹¹ См. *Пустогаров В.В.* Нюрнбергский процесс и идеологическая борьба // *Нюрнбергский процесс и современность.*— М., 1986.— С. 119.
- ¹² *Наумов А.В.* Преступления против мира и безопасности человечества и преступления международного характера // *Государство и право.*— 1995.— № 6.— С. 48.
- ¹³ См. *Моджорян Л.А.* Ответственность в современном международном праве // *Советский ежегодник международного права.* 1970.— М., 1972.— С. 145.
- ¹⁴ См. *Курис П.М.* Международные правонарушения и ответственность государств. — Вильнюс, 1973. — С. 136.
- ¹⁵ См. *Карпец И.И.* Указ. соч.— С. 230.
- ¹⁶ Там же.
- ¹⁷ *Левин Д.Б.* Ответственность государства в современном международном праве.— М., 1966.— С. 40.
- ¹⁸ *Мазов В.А.* Ответственность в международном праве.— М., 1976.— С. 26.
- ¹⁹ Там же.— С. 19.
- ²⁰ *Колоцов Ю.М.* Ответственность в международном праве.— М., 1976.— С. 26.
- ²¹ См. *Ушаков Н.А.* Указ. соч.— С. 23.
- ²² Там же.— С. 24
- ²³ Там же.— С. 140.
- ²⁴ См. *Курис П.М.* Указ. соч.— С. 136.
- ²⁵ *Jonson F.* Nuremberg: the Judgment of History. Forty Years after Nazi War Trials Began, the Question Remains: was Justice Done? // *The Times.*— 1985.—Nov. 20.
- ²⁶ *Malaniwski W.* Revolution oder riesenhaftes Theater? // *Spiegel.*— 1985.— Nr. 47.— S. 72—92.
- ²⁷ *Maser W.* Nuremberg: Tribunal der Sieger.— München — Zürich, 1977.
- ²⁸ *Пустогаров В.В.* Указ. соч.— С. 115—121.
- ²⁹ См. *Трайнин А.Н.* Правовые проблемы Нюрнбергского процесса (вопросы материального права) // *Советское государство и право.*— 1946.— № 11—12.
- ³⁰ См. *Пионтковский А.А.* Вопросы материального уголовного права на Нюрнбергском процессе.— М., 1948.
- ³¹ См. *Шаргородский М.Д.* Указ. соч.
- ³² См. *Словарь международного права.*— С. 102—103; *Международное право* / Под ред. Г.И. Тункина.— С. 476—477.
- ³³ См. Ученый совет обсуждает решение Международного Суда ООН об агрессивных действиях США против Никарагуа // *Советское государство и право.*— 1987.— № 8.— С. 138.
- ³⁴ См. *Беджауи М.М.* Право международной организации по обращению в Международный Суд ООН // *Государство и право.*— 1996.— № 6.— С. 13.

³⁵ Там же.

³⁶ Там же.

³⁷ См. Ушаков Н.А. Указ. соч.— С. 29.

³⁸ Цит. по Верецетин В.С. Международный уголовный суд: новые перспективы? // Московский журнал международного права.— 1993.— № 2.— С. 6.

³⁹ См. Верецетин В.С. О работе Комиссии международного права ООН // Московский журнал международного права.— 1994.— № 1.— С. 21—35.

⁴⁰ См. Наумов А.В. Указ. соч.— С. 56.

Статья поступила в редакцию в феврале 1998 г.

КОНСТИТУЦИЯ АЛЖИРА 1996 ГОДА И ПРОБЛЕМА ТЕРРОРИЗМА

М.А. Сапронова*

Одной из наиболее сложных проблем политико-государственного развития целого ряда арабских стран на современном этапе стала проблема исламского экстремизма, превратившегося в общеарабскую проблему, серьезно дестабилизирующую всю обстановку в этом регионе. Наиболее отчетливо и серьезно эта проблема оказывает свое прямое воздействие на государственно-политические отношения в Алжире. Алжир последних лет превратился в своеобразный полигон, где как бы отрабатываются приемы и методы открытого противостояния государственной власти и отрядов вооруженных исламских экстремистов. Непосредственным политическим толчком к такому противостоянию в Алжире послужили события государственно-правового характера 1991 года. А начало процесса радикальных преобразований политической и социально-экономической структур государства следует отнести еще к началу 80-х годов, когда стал набирать силу процесс демократизации алжирского общества, результатом которого явилось введение политического плюрализма и многопартийности. Это привело к резкому увеличению числа политических партий, претендующих на контроль за государственным аппаратом, в том числе и партий исламского направления, за короткий срок сумевших серьезно расширить свою социальную базу.

*Кандидат исторических наук, доцент кафедры востоковедения МГИМО(У) МИД РФ.